

Дмитрий Толкачев, Варвара Васильева

**ДВАЖДЫ НЕВИДИМЫЕ:
НЕГЕТЕРОСЕСУАЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ**

Francesca Stella (2015) *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gender Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 208 p. ISBN 978–1–137–32123–7

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-319-323

Книга Франчески Стеллы о рожденных в СССР негетеросексуальных женщинах дополняет скромную базу исследований о женской сексуальности в Советском Союзе и России (Essig 1999; Rotkirch 2000; Кон 2010). Нарративы женщин о себе и своей сексуальности, о доме, о работе и публичных пространствах, таких как улица или «тусовки», позволяют понять образ жизни российских лесбиянок конца XX – начала XXI вв. Всего исследовательница собрала 72 интервью с негетеросексуальными женщинами 1946–1988 гг. рождения – внушительную базу «забытых» историй жизни. В основе анализа собранных полуструктурированных биографических интервью лежит нарративный подход (Riessman 1993): этот подход «чувствителен к языку и нарративным структурам, значениям интервьюируемых, чувству места и изменениям ощущений себя» (Р.10). Он позволяет автору изучать предмет своего исследования – жизни негетеросексуальных женщин в советской и постсоветской России – с точки зрения людей, а не институтов. Анализируя биографические интервью с помощью нарративного метода, Стелла выделяет две центральные темы: времени (поколений) и пространства.

Тема времени описывается в контексте социалистической и постсоциалистической России: изменения языка, политического режима и социальных структур. Изменения в языке, отражающие изменения контекста, описываются автором через теорию «дублиционной культуры». Идея дублиционной культуры затрагивает влияние глобальной массовой культуры, когда происходит «дублированный перевод якобы западных сексуальных субъектностей» на локальные языки (Boellstorff 2003: 236). Так, если в работе Лори Эссиг (Essig 1999), посвященной ЛГБТ в России, упоминаются термины «голубой», «розовая», «тема» и «наши», то в работе Стеллы респонденты используют слова «лесбиянка», «бисексуалка», «бывшая гетеросексуалка», «натуралка», «тусовка». Изменение терминов самоидентификации и описания реальности позволяют фиксировать межпоколенческие изменения.

Дмитрий Сергеевич Толкачев – аспирант, аналитик проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: dtolkachev@hse.ru

Варвара Михайловна Васильева – к.п.н., Москва, Россия. Электронная почта: vvasileva@gmail.com

Но можно ли эти межпоколенческие изменения в терминах самоидентификации считать влиянием западной культуры? Изменения в употреблении терминов характерно для многих стран – и дело не только в дублиционной культуре. Джудит Беннетт (Bennett 2000), в отсутствие свидетельств самоидентификации женщин, живущих вместе и/или практикующих однополый секс до эпохи модерна, вводит термин «как-лесбиянка» (*lesbian-like*). Кроме того, изучение лесбиянок старшего поколения в США показывает, что первое время термин «лесбиянка» был непопулярен, а женщины, чье взросление пришлось на 1950-е гг., скорее предпочитали слова гей (*gay*), гей-женщина (*gay women*) или вообще не акцентировали сексуальную идентичность (Garner 2004). Учитывая приведённые выше исследования, сложно согласиться со Стеллой, что зафиксированные межпоколенческие изменения в самоидентификации связаны именно с «дуближом», глобализацией и потерей субъектности – необходимо учитывать сравнительные исследования языковых особенностей самоидентификации негетеросексуальных женщин в разных культурах.

Узкое определение политического контекста социализации не позволяет широко раскрыть влияние разных институтов на жизнь женщин. Используемый автором термин «партия-государство», сводит политический контекст СССР к деятельности Компартии. При этом Стелла акцентирует внимание только на комсомольских дисциплинарных практиках, связанных с сексуальностью респонденток. Роль партии-государства, если и была значимой в позднесоветский период, то сошла на нет в 1990-е гг. Роль политического режима не может быть описана только влиянием комсомола, но должно включать и ограничения в политических, экономических и гражданских правах в связи с сексуальностью, что описано в теории сексуализированного гражданства (Richardson 1998; Kondakov 2014). Тогда в фокус исследования попали бы также различные формы политического участия и взаимодействия с судами, милицией, институтом собственности и пр.

Советское медицинское регулирование – ещё один аспект описания контекста. Определение лесбийских отношений как патологии базируется на незнании и непонимании медиками инаковых сексуальностей. Респондентки Стеллы не сталкивались с принудительным лечением. То, что «сексопатолог не знал о лесбиянках» (Р.48), показывает, что врачи если и не были безразличны к гомосексуальности, то уж точно не владели особыми знаниями о сексуальности, доступ к которым был ограничен (Кон 2010: 302).

Описывая контекст однополых отношений в условиях существующей социальной структуры, Стелла пишет о необходимости поддержки образа «уважаемой женственности» (*respectable womanhood*) и выполнения контракта рабочей матери. Некоторые респондентки указывают на свое гетеросексуальное прошлое, а гетеросексуальный брак рассматривается как экономическая необходимость («устраивать жизнь»). В таких условиях

гомосексуальное желание оказывается значимее гомосексуальных отношений, и гомосексуальность определяется через практики, а не через идентичность. При этом из 72 респонденток 22 женщины проживают совместно с партнершей, только 6 – замужем/помолвлены (официальный статус) и 7 – имеют детей. Объяснительные модели поддержки образа «уважаемой женственности» и выполнения контракта «рабочей матери» кажутся недостаточными для интерпретации. Возможно, эти данные стоит анализировать через призму «флюидности сексуальности» (Diamond 2008), которой Стелла уделяет мало внимания.

Вторая «центральная тема» (после времени) анализа нарративов в работе Стеллы – пространство. В качестве «пространства» анализируются тело, дом, работа и улица (общественное пространство). Исследование тела как пространства позволяет изучать видимость и невидимость, частное и публичное, «чулан» и камин-аут. Тело в нарративах представлено бинарностью: «выглядеть как лесбиянка» и «не скажешь, что я лесбиянка» (Р. 98). Внешний вид регулируется общественными установками о том, как приемлемо одеваться феминной женщине.

Пространство «дома» исследуется и как физическое, и как отношения в семье. Дом определяется респондентками как сокровенное (*intimate*) и уютное, но одновременно гомофобное пространство (Р. 67). При этом дом может не быть для респонденток личным пространством по причине экономической зависимости от родителей. Поэтому зачастую дома респондентки оказываются скованными гетеронормативной моделью поведения, конструирующей «гетеро-ожидания» родителей, включая исполнение негетеросексуальной женщиной роли матери.

В пространстве работы респондентки скрывают свою ориентацию, имитируют гетеросексуальные отношения, терпят гомофобные взгляды и шутки. Но в отсутствие информации о характере и месте работы респонденток, остается неясным, действительно ли рабочее пространство гомофобно или коллеги воспроизводят знакомый гомофобный дискурс общественного пространства.

Так как общественные пространства гетеронормативны, респондентки избегают постороннего внимания к своей сексуальности. Такие речевые обороты как «неоткрытая», «скрываться», «не афиширую», «не иду с плакатами», «не демонстрируем», «не провоцирую» подтверждают, как невозможность политического действия, так и отсутствие «права на город», где негетеросексуальные отношения могли бы стать видимыми (Kondakov 2014). При этом в общественном пространстве также существует квир-пространство и гей-сцена (*gay scene*) – пространство безопасности и комфорта, способствующее самовыражению, осознанию сексуальности и накоплению социального капитала, понимаемого как количество людей в «круге доверия». Московское пространство «Пушки» (метро Пушкинская) предстает в исследовании полностью бесклассовым, где «принятие

в группу не зависело от денег, образования или социального класса» (Р. 121). Пространство Ульяновска скорее ограничено: незнающему человеку доступ туда закрыт.

Таким образом, различные пространства воспринимаются респондентами по-разному, и поэтому по-разному влияют на их поведение «сейчас». Пространство в исследовании Стеллы кажется застывшим. В то же время происходящие изменения самоидентификации, отмеченные автором в центральной теме «времени», не находят свое отражение в «пространствах». Стелла искусственно разделяет пространство и время, хотя в биографических интервью это полагается чем-то целым. Кроме того, местами фундаментальность работы наталкивается на сложность предмета: разницу в социализации поколений, в городах социализации, определение политического режима, описание социального статуса. Тем не менее, внимание к деталям и академическая дотошность автора позволяют точно отразить жизнь и судьбы российских негетеросексуальных женщин.

Список источников

- Кон И. С. (2010) *Клубничка на березке: Сексуальная культура в России*. М.: Время.
- Bennett J. M. (2000) 'Lesbian-Like' and the Social History of Lesbianisms. *Journal of the History of Sexuality*, 9 (1–2): 1–24.
- Boellstorff T. (2003) Dubbing Culture: Indonesian 'Gay' and 'Lesbi' Subjectivities and Ethnography in an Already Globalized World. *American Ethnologist*, 30 (2): 225–242.
- Diamond L. M. (2008) Female Bisexuality from Adolescence to Adulthood: Results from a 10-year Longitudinal Study. *Developmental Psychology*, (44): 5–14.
- Essig L. (1999) *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. London: Duke University Press.
- Garner J. (2004) *Lives of Lesbian Elders: Looking Back, Looking Forward*. London: Taylor and Francis.
- Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects From Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23 (2): 151–174.
- Richardson D. (1998) Sexuality and Citizenship. *Sociology*, 32 (1): 83–100.
- Riessman C. K. (1993) *Narrative Analysis*. Newbury Park, CA: Sage.
- Rotkirch A. (2000) *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Helsinki: Department of Social Policy.

Dmitrii Tolkachev, Varvara Vasileva

DOUBLY INVISIBLE: NON-HETEROSEXUAL WOMEN IN RUSSIA

Francesca Stella (2015) *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia. Post/Socialism and Gender Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 208 p. ISBN 978-1-137-32123-7

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-319-323

References

- Bennett J. M. (2000) 'Lesbian-Like' and the Social History of Lesbianisms. *Journal of the History of Sexuality*, 9 (1–2): 1–24.
- Boellstorff T. (2003) Dubbing Culture: Indonesian 'Gay' and 'Lesbi' Subjectivities and Ethnography in an Already Globalized World. *American Ethnologist*, 30 (2): 225–242.
- Diamond L. M. (2008) Female Bisexuality from Adolescence to Adulthood: Results from a 10-year Longitudinal Study. *Developmental Psychology*, (44): 5–14.
- Essig L. (1999) *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. London: Duke University Press.
- Garner J. (2004) *Lives of Lesbian Elders: Looking Back, Looking Forward*. London: Taylor and Francis.
- Kon I. (2010) *Klubnichka na berezke: Seksual'naia kul'tura v Rossii* [The Strawberry on the Birch: Sexual Culture in Russia]. Moscow: Vremia.
- Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects From Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23 (2): 151–174.
- Richardson D. (1998) Sexuality and Citizenship. *Sociology*, 32 (1): 83–100.
- Riessman C. K. (1993) *Narrative Analysis*. Newbury Park, CA: Sage.
- Rotkirch A. (2000) *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Helsinki: Department of Social Policy.

Dmitrii S. Tolkachev – PhD student, Analyst, Laboratory for Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: dtolkachev@hse.ru

Varvara M. Vasileva – Candidate of Sciences (Political Science), Moscow, Russian Federation. Email: vvasileva@gmail.com